

АНИ АКОПЯН

Ведущий специалист управления европейской интеграции аппарата министерства юстиции РА, соискатель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Российско-Армянского (Славянского) университета

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА К ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЛИССАБОНСКИЙ ПРОЦЕСС

Беспрецедентные роль, значение и правовая сила воздействия на государства Европейской конвенции о правах человека в контексте общего европейского общественного порядка и правового пространства и соотношения с нормами внутреннего права государств обусловлены субсидиарным характером Конвенции, юридической четкостью и обязательностью ее норм, четким контрольным механизмом. На сегодня все государства-участники (каковыми являются все государства-члены Европейского Союза) признали за Конвенцией высшую императивную силу на общеевропейском правовом поле и во внутреннем праве государств-участников. Это находит свое подтверждение и в практике ЕСПЧ, прямо «признавшего ЕКПЧ в качестве «конституционного инструмента европейского публичного порядка». Уникальный характер ЕКПЧ вытекает из самой ее правовой природы, в основе которой лежит отказ от условий взаимности обязательств государств и признание приоритета общеевропейских обязательств государств, а также обеспечение ее соблюдения широкими совместными коллективными гарантиями. Главной целью такого процесса является обеспечение максимальной последовательности защиты прав человека в Европе.

Помимо политиков этот вопрос давно занимает экспертов-правоведов в Совете Европы и Европейском Союзе, не говоря уже о судьях Европейского суда по правам человека в Страсбурге и Суда Европейских Сообществ (СЕС) в Люксембурге. Последний уже сейчас прилагает большие усилия к тому, чтобы избежать конфликта с прецедентным правом Страсбургского суда.

Поэтому, в тех случаях, когда в СЕС поднимаются вопросы, относящиеся к правам и свободам, заложенным в ЕКПЧ, СЕС рассматривает ЕКПЧ как неотъемлемую часть правовой системы ЕС.

На техническом уровне контакты между экспертами двух организаций уже дали ответы на большинство вопросов, возникающих в связи с реальными последствиями присоединения ЕС к ЕКПЧ. Предлагаемая процедура присоединения должна сохранить целостность правовой системы ЕС. Усилия по разъяснению этих вопросов, предпринимаемые в настоящее время, не встречают каких-либо серьезных препятствий.

В 2000 г. была провозглашена хартия ЕС по правам человека, во многом вдохновленная документами Совета Европы. С другой стороны в рамках Совета Европы вступил в силу Протокол N 14 к Конвенции, который внес изменения в систему ее контроля, тем самым сделав возможным присоединение ЕС к ЕКПЧ.

После провала летом 2005 г. Договора, учреждающего Конституцию для Европы, отклоненного на референдумах во Франции и Голландии, двух «странах-основательницах» европейского интеграционного объединения, в академическом сообществе усугубилась поляризация мнений сторонников и противников глубокой демократизации институциональной структуры Евросоюза.

Между тем, будучи вынуждены отказаться от Евроконституции, лидеры ЕС 13 декабря 2007 года подписали более скромный в своих интенциях Лиссабонский договор, который, сохранив основные институциональные положения конститу-

ционного проекта, вносит очередные изменения в договорную основу интеграции, не замещая ее.

Лиссабонский договор, как и «Конституция», тоже нуждался в ратификации, но, в отличие от последней, решено было проводить ее через национальные парламенты.

Лиссабонский договор вступил в силу 1 декабря 2009 года. Новый договор в значительной степени расширил возможности действий ЕС благодаря повышению эффективности институтов и механизмов принятия решений. Благодаря Лиссабонскому договору ЕС повысил возможности противостоять новым глобальным вызовам и решать проблемы, которые наиболее важны для граждан ЕС, к числу которых можно причислить изменение климата, энергетическую безопасность, международный терроризм, трансграничную преступность, проблемы убежища и иммиграции.

Одним из важнейших достижений, пожалуй, явилось то, что Лиссабонский договор позволяет значительно повысить демократический характер союза, увеличивая полномочия парламента, согласно закреплению в хартии фундаментальных прав принципу верховенства закона. Демократичность Евросоюза призвано закрепить также его присоединение к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Согласно ст. 4 измененного ДЕС, любая компетенция, не предоставляемая Союзу на основе Договоров, будет принадлежать государствам-членам. Это гарантирует на будущее определенный баланс в Евросоюзе наднационального и межправительственного компонентов, интеграции и национального суверенитета.

Как известно, Лиссабонский договор вносит изменения в Договор о Европейском Союзе (ТЕУ) (в основном Маастрихтский договор) и Договором об учреждении Европейского Сообщества (ЦТО) (в основном, Римский договор), который переименован в Договор о функционировании Европейского Союза (ТФЕУ). Оба договора имеют одинаковую юридическую силу. Несмотря на то, что новый договор не является официальной Конституцией ЕС, в нем, тем не менее, сохранены большая часть достижений подписанной в 2004г., но не ратифицированной Конституции Европы¹.

С юридической точки зрения Лиссабонский

договор соединил в себе ранее заключенные договора и Хартию ЕС по правам человека.

Согласно Лиссабонскому договору Хартия фундаментальных прав становится обязательной к исполнению, и носит такое же юридическое значение, что другие документы ЕС. Хартия была торжественно провозглашена на пленарном заседании парламента председателями парламента, Совета и Комиссии 12 декабря и была опубликована в «Официальном вестнике». Протокол включает также специальную оговорку для Соединенного Королевства и Польши с целью обеспечения некоторых исключений для национальных судебных систем использования Хартии². Договор предусматривает новые правовые основы для присоединения Союза к Европейской конвенции по правам человека³.

Концепция гражданства ЕС подтверждена и развивается. Права граждан обращаться в Суд ЕС расширились. Вводится более четкое и точное разграничение полномочий, возложенных на государство-участницы ЕС. Союз пользуется тремя категориями компетенций: исключительные, совместные (или взаимодополняющие), и поддержка (или дополнительные). Тем не менее, компетенции ЕС ограничены договорами, которые прямо регулируют деятельность определенных территорий согласно принципам субсидиарности и пропорциональности⁴. Региональные и местные аспекты субсидиарности также признаются.

По сути, Лиссабонский договор обеспечивает Хартии основных прав правовое влияние сопоставимое с правовым влиянием учредительных договоров ЕС. Это изменение означает, что Хартия, текст которой не содержится в Лиссабонском соглашении, имеет с ним равную правовую силу – она стала частью первичного права Европейского Союза, в соответствии с которой должно находиться вторичное право ЕС.

Несмотря на то, что текст Хартии не включен в Договор, её положения являются обязательными. Данное изменение было включено для того, чтобы контролировать соответствие директив и положений документов ЕС тем принципам, которые изложены в Хартии.

Еще одно важное нововведение касается получения Европейским Союзом полномочий (и

обязанности) присоединиться к конвенции о защите основных прав и свобод. По сути это очень важный шаг в направлении обеспечения равной защиты прав и свобод человека на всей территории Европейского Союза.

Уже несколько лет тому назад ЕС создал независимое Агентство фундаментальных прав человека. ЕС и СЕ тесно сотрудничают. Вместе с тем их полномочия в области защиты прав человека пересекаются все в большей степени. Вынесением постановлений на основе применения Конвенции, обязывающих государства и субъекты внутреннего права, занимаются и Страсбургский суд, и Люксембургский.

Перспективы присоединения ЕС к ЕКПЧ уже давно обсуждаются, но лишь относительно недавно была создана правовая основа для присоединения.

В ЕС разработан правовой порядок, в соответствии с которым высшей судебной инстанцией является Европейский Суд в Люксембурге. ЕКПЧ и ее правовой механизм не применяется к законодательным актам ЕС, несмотря на то, что все государства-члены Союза, будучи участниками Конвенции, должны соблюдать ЕКПЧ, даже если они применяют право Европейского Союза. Такое положение может быть исправлено лишь путем присоединения Европейского Союза к Конвенции.

Присоединение ЕС к Конвенции будет способствовать укреплению защиты прав человека в Европе, ставя его правовую систему под независимый внешний контроль. Таким образом, будут заполнены пробелы в юридической защищенности европейских граждан по отношению к законам Союза в той же степени, в какой они в настоящее время защищены со стороны государств-членов.

Новый Договор, о котором было подробно сказано выше, содержащий изменения, был ратифицирован всеми государствами-членами ЕС. Все государства-участники ЕКПЧ, а также ЕС как такового, должны выразить свое согласие на обязательность для него ключевых условий присоединения к Конвенции, что потребует формального согласия со стороны национальных парламентов, а также Европейского парламента.

Как было показано выше, Суд ЕС основал систему

защиты прав человека путем поиска общих конституционных стандартов. Такой поиск должен рассматриваться как часть более глобальной попытки ЕС, проводимой с целью зарекомендовать себя в качестве правовой или гражданской власти, действующей на основе единой европейской идентичности⁵.

Однако меры, которые когда-то были эффективно использованы для достижения этих целей, такие, как конституционная доктрина верховенства и прямого действия, а также свобода внутреннего рынка, уже недостаточны для дальнейшего достижения этих целей.

Другие инструменты могут оказаться бесполезными: расширение полномочий политики приводят к проблемам, связанным с «эффектом масштаба», в то время как внешняя политика осложняется благодаря ее межправительственному характеру.

Сфера системы защиты прав человека может быть полезна для достижения общих ценностей, нормативной, гражданской силы и единых аналогов в различных сферах – путем формирования общих европейских стандартов защиты прав человека, а это в свою очередь может быть достигнуто путем сближения двух существующих и уже взаимозависимых судебных режимов по защите прав человека⁶. Взаимоинтеграция между двумя судами и режимами может помочь ЕС в его попытках достижения Европейской интеграции основанной на социальном консенсусе об «общеевропейских ценностях»⁷.

Этот подход поддерживают вон Богданди⁸, сторонник Люксембургского режима, и судья Мартенс⁹, сторонник Страсбургского режима.

Следует, однако, подчеркнуть, что это предлагаемое расширенное взаимодействие может также привести к противоположным результатам, превратив Суд ЕС в своего рода ответчика по вопросам соблюдения ЕКПЧ со стороны ЕС, и тем самым ставя под вопрос его общественное признание и легитимность¹⁰.

Граждане ЕС пользуются правом свободы внутреннего рынка (по крайней мере, до некоторой степени), общей валютой, принципом верховенства правового порядка, общего гражданства, герба,

гимна и дня ЕС. Такая общность должна быть дополнена общей, всеобъемлющей и расширенной политикой ЕС в области защиты прав человека.

Принятие общих европейских стандартов по правам человека может помочь ЕС в поисках своего смысла, сплоченной самобытности, внутренней и внешней законности и глобального лидерства, и эти общие стандарты могут быть сформулированы путем серьезной опоры на Страсбургский режим.

Необходимо отметить, что при рассмотрении коммерческих споров, Суд ЕС работает не только со сторонами конфликта¹¹. Он также выполняет и социально-политическую функцию. Опора на Страсбургский режим принесет пользу и в этой области.

Некоторые критики полагают, что в своей судебной практике Суд ЕС отдает приоритет экономическим правам в ущерб другим гражданским, социальным и конституционным правам¹². Эта критика в большей степени связана с тем, что Энциони называет «Дефицитом общности». Для уменьшения дефицита демократии необходимо бороться с дефицитом общности¹³.

Вместе с тем Страсбургский режим, истолкованный судом в Страсбурге, более сосредоточен на традиционных правах человека.

Таким образом, взятие за основу Судом ЕС Страсбургского режима может смягчить доминант экономической составляющей в процессе интеграции в ЕС¹⁴, сохраняя Европейское гражданство и как фактор единения рынка, и как фактор единения принципов существования человека¹⁵.

В результате это позволит усилить социальную сплоченность в ЕС, самоопределение ЕС и сократить «Дефицит общности», прилагая при этом усилия по позиционированию себя в качестве внутреннего и внешнего «актора» гражданской власти.

Совет Европы проделал огромный объем работы в сфере прав человека, сотрудничества в законодательной сфере и области внутренней политики. Со стороны ЕС расширение, создание Шенгенской зоны и формирование политики в области «правосудия и внутренних дел» привели политиков ЕС и экспертов-правоведов ко включению в договоры, директивы и рамочные решения

положений, содержащихся приблизительно в тридцати из 200 конвенций Совета Европы.

Создание этого общеевропейского правового и судебного пространства необходимо в интересах всех европейцев. В нем перспектива Европы без разделительных линий. Оно уходит корнями в общие базовые ценности и общее конституциональное и правовое наследие, которые являются краеугольными камнями европейского тождества и единства. Это оружие в сражении с организованной преступностью, сетевой преступностью и терроризмом, и другими серьезными проблемами - сражение, которое не может вестись и быть выиграно изолировано 27 странами ЕС.

Расширение опоры на Страсбургский режим может увеличить доверие и сотрудничество между Судом ЕС и Национальными судами государств-участниц ЕС, поддерживая последних в выполнении обязательств перед ЕСПЧ.

Этот факт, в свою очередь, может способствовать улучшению отношений между ЕС и его государствами-участниками. Таким образом, присоединение ЕС к ЕКПЧ не повлияет на разделение полномочий между ЕС и государствами-членами и не приведет к подчинению ЕС Совету Европы.

Положительным эффектом станет создание единой европейской системы контроля за соблюдением прав человека. Присоединение также позволит ЕС стать стороной в процессах в Страсбургском суде, что будет дополнительной гарантией выполнения решений Суда в ЕС.

Ориентация на режим Страсбурга не лишена своих недостатков. Ученые исследователи предостерегают от негативных последствий, которые обусловлены слепой верой в то, что Суд ЕС должен доминировать над всеми другими судами и трибуналами¹⁶. Такая автоматическая ориентация на Страсбургский режим, например, может привести к постоянному повторению одних и тех же процедурных ошибок, которые в свою очередь идут в разрез с правовым порядком ЕС, согласно которому подчинение Суда ЕС другим внешним судам означает нарушение Европейского законодательства¹⁷. Причем в последствии такие ошибки могут привести к потере автономного статуса и общественного признания правового порядка ЕС¹⁸.

Анализ прецедентного права Суда ЕС показывает, что Европейский Суд принимает во внимание такие проблемы¹⁹.

Озабоченность, отмеченная выше, была особенно актуальна в первые дни становления Суда ЕС, когда был особо важен вопрос автономного статуса и престижа. Теперь, когда Европейский Суд обрел свою репутацию, верховенство, самостоятельность и статус локомотива конституционного становления ЕС, такие риски существенно уменьшились²⁰.

Все аргументы в пользу того, что необходимо брать за основу Страсбургский режим, с его идентичными или аналогичными нормативными положениями, не дают, тем не менее, точного алгоритма использования прецедентного права этого режима странами-участницами ЕС²¹.

Нормативные и институциональные различия, а также различия в содержании рассматриваемых режимов общепризнаны и приобретали законный характер в различных интерпретациях.

Обращение к Страсбургскому режиму может быть также найдено в многочисленных мнениях адвокатов в целом. Эти ссылки носят более широкий характер, чем ссылки Суда ЕС, и поэтому и более сложны для анализа правового статуса Страсбургского режима в рамках правового порядка ЕС. Однако, среди этих ссылок нет ни одной, которая последовательно и всеобъемлюще отличалась от точки зрения Генерального адвоката Мадуро по делу Кади.

В целом, рассматривая взаимодействие между Люксембургским и Страсбургским режимами с точки зрения первоисточника, можно сказать, что оно является в значительной степени судебно состоявшейся.

Европейский Суд, в частности, обращается к ЕСПЧ, чтобы обосновать свои выводы в отношении надлежащей сферы судебного пересмотра санкций ООН (т.е. косвенного пересмотра в судебном порядке ЕС осуществления мер, но не прямого обзора деяний, приписываемых ООН). Суд ЕС также постановил, что в деле защиты прав человека он берет за основу принципы, прописанные в ЕКПЧ, которая в свою очередь имеет «особое значение» для правовой системы

ЕС.

В этой связи Суд ЕС не обязан следовать принципам страсбургского режима или прецедентного права Страсбургского Суда. Оба режима остаются различными по направлениям своей деятельности, степени объективности и содержанием своего состава.

Рассматривая опыт государств-участниц Европейского Суда по правам человека, таких как Великобритания²², представленные выше факты оставляют за судом ЕС неопределенную нишу для юридической практики²³.

Отметим, что чем выше степень общности между любыми существующими двумя официальными режимами, тем более легитимным будет обращение к интенсивному диалогу, сотрудничеству, ориентации и выявлению различий, в то время как, чем более эти режимы отличны друг от друга, тем менее легитимным будет этот процесс. Эта гипотеза, которая обусловлена международным правом, находит поддержку также в литературе²⁴, в судебной практике Страсбургского Суда²⁵, а также в недавней публикации Генерального Адвоката Мадуро и процессе по делу Кади в Суде ЕС²⁶. Необходимо также отметить, что процесс Суда ЕС по делу Кади, без каких либо международных обязательств может нанести некоторый ущерб конституционным принципам ЕС.

Несомненно, что очевидная разница между этими режимами заложена в исторических условиях их становления, членства и нормативного аппарата, а также в различии в структуре и составе обоих Судов, из юрисдикции в отношении лиц, праве обращения в суд, определений сторон в судебном процессе и политического контекста в котором они действуют²⁷. Это отличие, которое было недавно исследовано Генеральным Адвокатом Мадуро и Судом ЕС в деле Кади²⁸, должно устанавливать законные ограничения на ориентацию на Страсбургский режим Судом ЕС²⁹.

Тем не менее, оба режима по-прежнему используют значительную степень общности, которая обусловлена общеевропейским, интегративным подходом к защите прав человека, полагаясь при этом на Страсбургский режим, предоставляя последнему усиление авторитетной силы в рамках правового порядка ЕС³⁰.

Официально ЕС был основан на принципах экономической интеграции, в то время как ЕСПЧ создан в качестве режима защиты прав человека³¹. Тем не менее, оба режима имеют общее историческое происхождение³². Конкретизируя сказанное, оба режима были основаны практически в один и тот же «конституционный момент» в европейской истории, именуемый «Вторая мировая война», и результатом которого стало общественное осуждения ужасных последствий войны³³.

Таким образом, оба режима разделяют одну и ту же миссию, которая заключается в сохранении мира, стабильности и высокой степени защиты прав человека³⁴. А значит, этот принцип сопровождается нормативной общностью обоих режимов.

Правда, существуют некоторые нормативные различия между этими двумя режимами в отношении конкретных прав человека. Тем не менее, это никоим образом не значимо на макроуровне. Поэтому оба режима не могут рассматриваться как самодостаточные, а могут определяться как взаимодополняющие, аналогичные режимы защиты прав человека.

Хелфер и Слаугер в своей конструктивной работе об эффективности наднациональных судебных решений пришли к выводу, что оба режима должны слиться в единое так называемое «Правовое сообщество»; «В страны Западной Европы, которые составляют основу Европейского Союза и Совета Европы реализованы либеральные демократические принципы, дополненные устойчивыми внутренними традициями правового порядка. Оба режима также общую основу социальных, политических и правовых ценностей... общественный опыт Европы как наднациональной конструкции намного больше, чем опыт каждой страны в отдельности. Таким образом, Суд ЕС и ЕСПЧ становятся частью более глобального, европейского «Правового сообщества»³⁵.

Существование этих общих ценностей признано Судом ЕС, хотя и косвенно³⁶. Соединение этих двух режимов в одно «Правовое сообщество» только повысит их юридическую общность, укрепив тем самым двусторонний сравнительный анализ.

Обширная опора Суда ЕС на систему защи-

ты прав ЕСПЧ, проанализированная в данной работе может быть рассмотрена как попытка со стороны Суда ЕС по наведению мостов между ЕС и ЕСПЧ.

Такой подход следует отличать от более дезинтегрированного антагонистического подхода, определенного Судом ЕС в отношении к международному праву и режиму ООН, в частности.

Призыв о необходимости брать за основу Страсбургский режим обусловлен нормативной общностью обоих режимов и сопровождается также схожестью взаимодействия ЕС с Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ) под эгидой Европейской Экономической Зоны.

Готовность Европейского Суда толковать положения ЕС идентично толкованиям ЕАСТ вызывает европейскую правовую общность (будь то в сфере торговли или прав человека) и способствует комплексному, плюралистическому подходу со стороны Суда ЕС³⁷.

Деятельность Европейского агентства по фундаментальным правам человека (ЕАПЧ) является острой проблемой в отношениях ЕС с Советом Европы. Совет Европы должен оставаться главным учреждением по правам человека в Европе. Это означает, что ЕС должен систематически обращаться к его экспертным оценкам при рассмотрении их двусторонних отношений ЕС-СЕ, политики соседства ЕС, соглашений о стабилизации и ассоциации.

Совет Европы будет оставаться ответственным за контроль и обеспечение соблюдения прав человека его странами-членами. Он будет осуществлять регулярные оценки в каждом из своих стран-членов, включая те, которые входят в ЕС, и составлять отчеты по результатам этих оценок.

Также должно поддерживаться и укрепляться значение его тематических отчетов.

Это означает, что будущее Европейское агентство по правам человека должно быть исключительно комплиментарным по отношению к инструментам Совета Европы по наблюдению и контролю за соблюдением прав человека. Важно, чтобы его мандат был ограничен вопросами прав человека, возникающими в связи с применением

законодательства Сообщества, то есть строго в рамках внутренней правовой системы ЕС. Возможно, он никогда не будет расширен до общего наблюдения (с использованием его собственных методик и ресурсов) за ситуацией с правами человека в странах-участниках Совета Европы.

Тем не менее, ЕАПЧ сможет решать, передавать ли свои собственные ресурсы для тематического наблюдения, в государствах-членах ЕС, по вопросам, которые главным образом относятся к внутренней правовой системе ЕС.

Существует взаимная договоренность, что ЕАПЧ будет сотрудничать с Советом Европы и избегать любого возможного дублирования его деятельности. На данной стадии эти намерения сформулированы в очень обобщенном виде в предложении по урегулированию статуса ЕАПЧ. Нам кажется, что существует необходимость дополнительного уточнения данных вопросов.

Например, в постановлении о ЕАПЧ должно быть указано, что оно должно рассматривать отчеты Совета Европы в отношении его собственных стран-участников – независимо от того, являются они членами ЕС или нет – в качестве основного ориентира в его работе.

Как и Договоры, Устав ЕАПЧ должен четко ссылаться на ЕКПЧ и другие ключевые документы Совета Европы в этой сфере, как на основные тексты рекомендаций. Не говоря уже о том, что Совет Европы должен быть представлен в руководящих органах ЕАПЧ. Было бы также полезно, если бы в Уставе была ссылка на Комиссара, как на основного партнера ЕАПЧ, который может быть задействован на не консультационной основе в работе его руководящих органов. Это ни в коей мере не помешало бы его независимости.

Хотя и Европейский Суд по правам человека и Суд Европейского Сообщества оба переполнены делами (несмотря на реформы, проведенные в Суде по правам человека), сотрудничество между ними воспринимается с удовлетворением обеими сторонами. Между ними не существует институционального звена, но они плодотворно сотрудничают, так как и тот и другой обеспокоены правовой защитой в такой деликатной сфере как права человека. Люксембургское прецедентное

право очень строго следует за страсбургским, в то время как страсбургское прецедентное право рассматривает защиту прав человека в Сообществе как “эквивалентную” той, что гарантирована по ЕКПЧ. Регулярные контакты между судьями в двух судах обеспечивают постоянный обмен информацией по вопросам взаимного интереса. Эти суды представляют собой потрясающий пример сотрудничества между учреждениями ЕС и Совета Европы, которое осуществляется в интересах простых людей.

Если ни один из этих режимов не может рассматривать себя в качестве явного международного договора исключительно на основании оперирования традиционным международным публичным правом, то, по крайней мере, оба конституционных порядка обладают конституционными компетенциями и целями, основанными на полномочиях возложенных на них со стороны соответствующих сторон Договора³⁸.

Таким образом, Страсбургский Суд определил ЕКПЧ как «конституционный инструмент европейского общественного порядка»³⁹, 151 порядок, который рассматривается как центральный компонент «культурной самоидентификации европейской цивилизации»⁴⁰, в то время как Европейский суд сам заявляет, что он выполняет «конституционную роль»⁴¹, и рассматривает Договора ЕС как «Конституционную хартию ЕС»⁴².

По мере развития оба суда все больше отвечают требованиям, которые, по мнению Шани являются важнейшими для формирования судебной системы, а именно – единство целей и согласованные методы работы⁴³.

Известные европейские и североамериканские ученые действительно считают оба этих суда европейскими Конституционными судами⁴⁴. Дуглас-Скотт рассматривал оба суда, как «два транснациональных суда», которые «участвуют в общем проекте по европейской интеграции, хотя и действуют различными методами. Оба находятся в поиске общих правовых норм для Европейской системы защиты прав человека»⁴⁵, в то время как Хелфер и Слаугтер оспаривают эту точку зрения относительно наднациональных судов, которые охватывают все государства и взаимодействуют

непосредственно с основными игроками в национальных правовых системах⁴⁶.

Эта нормативно-конституционная общность проявляется, в соответствии с Вейлером, в значительном общем культурном родстве между европейскими народами, которое должно, в свою очередь, проявляться в дальнейших наднациональных судебных разбирательствах в области защиты прав человека⁴⁷.

Другая общность между этими двумя режимами относится к государствам-участницам. Между этими двумя режимами в прошлом существовали значительные различия, повышающие общественную настороженность у некоторых государств-участниц в отношении судебной практики в Страсбургского режима и возможности официальной опор на него⁴⁸. Однако, в общем и целом это не совсем так.

Количество стран, вступивших в Совет Европы постоянно растет, на данный момент насчитывается сорок семь государств, все государства, подписали ЕКПЧ, и все сторонники того, что называется теория «Общего европейского наследия»⁴⁹. Такой рост количества стран, присоединившихся к ЕКПЧ и результат укрепления повышения этого общего наследия, согласно судье ЕСПЧ Рудольфу Бернаруду, однородность европейского правового порядка объясняется следующим: основная причина эффективности Европейской конвенции о правах человека и ЕСПЧ заключается в значительной мере однородности между европейскими государствами. Существуют некоторые сомнения в странах-участницах, что существуют общие европейские стандарты и что они должны получить дальнейшее развитие⁵⁰.

С другой стороны, ЕС и ее государства-участницы являются важным компонентом этой европейской «Однородности». Напомним, что ЕС состоит из двадцати семи государств-участниц, и все они являются участниками Европейской Конвенции.

Кроме того, некоторые страны Совета Европы, не входящие в ЕС определяются Евро-союзом как страны-кандидаты или потенциальные кандидаты на вступление в ЕС⁵¹. Поэтому существует значительное и растущее совпадение между составом этих двух учреждений.

Существуют также дополнительные сходства с точки зрения критериев членства и порядка, согласно которому государства-участницы обращаются в суд по поводу постоянных нарушений прав человека⁵². Такое постоянно растущее числа стран-участниц обеих структур позволяет двум режимам укреплять отношения между собой, которые судья Бернар называет «Общим Европейским стандартом» в сфере защиты прав человека.

Таким образом, совпадение стран-участниц и нормативной общности между этими двумя режимами укрепляет необходимость и легитимность расширения опоры Европейского Суда на Страсбургский режим⁵³.

Адаптация общих стандартов защиты прав человека, основанных, в частности, на юридической практике Страсбургского суда, может обеспечить основу для дальнейшего развития интеграционных процессов в Европе⁵⁴.

Согласно анализу, проведенному выше, Люксембургский режим защиты прав человека критикуют за отсутствие всеобъемлющего характера, специфики, видимости и сложности⁵⁵, и это дает основания полагать, что этим стандарты защиты прав человека намного ниже по качеству, чем стандарты, которые проповедует ЕСПЧ⁵⁶.

Страсбургский режим может обеспечить ЕС более усовершенствованный расширенный режим, с помощью которого ЕС мог бы восполнить недостатки и слабости во всей собственной судебной практике защиты прав человека. Более серьезная опора на Страсбургский режим может улучшить спецификацию⁵⁷, видимость⁵⁸, ясность и всеобъемлемость⁵⁹ системы защиты прав человека в ЕС, тем самым способствуя взаимно интегрированию европейской системы защиты прав человека⁶⁰. Это может помочь ЕС усовершенствовать и конкретизировать стандарты защиты прав человека⁶¹. ЕС мог бы применить такие усовершенствованные стандарты, как, например, дело к von Bogdandy по отношению к иностранным государствам в контексте внешней политики ЕС, мониторинга общей системы защиты прав человека государств-участниц ЕС, а также осуществлению надзора имплементации европейского права в правовых системах ЕС и

государствах-участницах ЕС⁶². Полезная роль Страсбургского режима для укрепления системы защиты прав ЕС подкрепляется в свою очередь его всеобъемлющим характером и природой «Lex Specialis»⁶³.

Это способствует также расширению ориентации прав человека⁶⁴. Действительно, эти характеристики привели национальные и региональные суды, в пределах и за пределами Европы, к необходимости полагаться на ЕКПЧ и следовать практике Страсбургского Суда⁶⁵, используя в последствии эту систему защиты прав человека в рамках своих собственных судебных систем⁶⁶.

Польза от Страсбургского режима еще более укрепляется своей возможностью обеспечивать значительный стимул для развития наднационального судебного разбирательства и продвижения системы защиты прав человека⁶⁷.

Более широкое использование этого режима может позволить Суду ЕС в решении сложной задачи нахождения тонкого равновесия между национальными и региональными системами защиты прав человека в рамках ЕС⁶⁸.

Тем не менее, полезность ЕКПЧ в качестве инструмента укрепления системы защиты прав человека ЕС не во всем может быть обоснована. Во-первых, ЕСПЧ не всегда обеспечивает более высокие стандарты защиты прав человека, чем стандарты, обеспечиваемые правовым порядком ЕС⁶⁹.

Кроме того, благодаря широкому использованию доктрины усмотрения судом в Страсбурге⁷⁰, практика Страсбургского Суда носит порой достаточно декларативный, а, следовательно, более абстрактный характер⁷¹. В таких случаях юриспруденция ЕСПЧ суда может оказаться несколько менее полезна для Суда ЕС, который сталкивается с различными спорными вопросами, носящими социально-политический и культурный характер.

Существенно полагаясь на Страсбургский режим Суд ЕС сможет более эффективно выполнять свою роль, что позволит обеспечить экономию судебных расходов, избегать нормативных конфликтов, совершенствовать обоснование судебных решений и их процессуальной силы⁷².

Кроме того, согласно толкованиям законо-

дательства ЕС, придерживаться такого курса вовсе не означает нанесения какого-то ущерба статусу Суда ЕС как самостоятельного и высшего судебного органа ЕС.

Существует все возрастающий риск юрисдикционных и нормативных пересечений между этими двумя судами, приводящий к тому, что по классификации Шани в его типологизации юрисдикционных и нормативных пересечений судов и трибуналов выступает как потенциальный конфликт между различными региональными судами со специальной компетенцией⁷³.

Например, согласно судебной практике Страсбургского суда, последний уполномочен рассматривать действия и бездействие стран, подписавших ЕСПЧ, и в выполнении этой задачи он может провести оценку соответствия правовых актов органов ЕС с положениями ЕКПЧ, с целью определения юридической ответственности государств-участниц ЕС⁷⁴.

В том же духе и в соответствии с теми же юридическими нормами, страны, присоединившиеся к ЕСПЧ, могут нести ответственность за нарушение ЕКПЧ в результате любых действий, обязательных как для ЕС в целом, так и для государств-участниц в частности⁷⁵.

Увеличение компетенции ЕС в неэкономических областях (например, иммиграция, отмывание денег), а также постоянно растущее количество стран в ЕС только повышают риск юрисдикционных и нормативно пересечений⁷⁶. Это подает надежды на то, что такое пересечение может привести к улучшению стандартов по правам человека и более четкой системы защиты прав человека⁷⁷.

Кроме того, это может привести к конфликтам по нормативным заключениям, с вытекающими из этого негативными последствиями для правового порядка ЕС с точки зрения принципов легитимности, последовательности и единства⁷⁸.

Согласно результатам анализа, Дуглас-Скотт, «Нельзя исключать обзор некоторых аспектов закона происходящих в законодательстве ЕС. Это имеет некоторые неудовлетворительные последствия. Государства-участницы ЕС могут быть обвинены Страсбургом, если по своей сути нормативный акт европейского права, является по

характеру наднациональным. Таким образом, национальные правительства, лучше чем Европейская Комиссия, будут отстаивать мнение, что здесь речь идет о статусе ЕС⁷⁹. Решение о принятии Страсбургского режима может в определенной степени облегчить такое состояние дел, путем содействия согласованию нормативных актов, с избеганием конфликтных решений⁸⁰, а также снизить вероятность несения ответственности государств-участниц ЕС за какие-либо нарушения обязательств перед ЕСПЧ. Такая зависимость может также способствовать предсказуемости, законности и эффективности правового порядка ЕС.

Очевидно, что легитимность может рассматриваться в качестве необходимого условия для функционирования любого судебного порядка в демократическом обществе⁸¹.

Эта прописная истина является применимой, тем более в условиях наднационального порядка ЕС, который в свою очередь характеризуется определенной степенью дефицита легитимности⁸², успех во взаимодействии некоторых механизмов Страсбургского и Люксембургского режимов, которые уже существуют в рамках муниципальных систем позволяет избежать юридических конфликтов⁸³.

Увеличение зависимости от Страсбургского режима позволит Суду ЕС принимать более аргументированные решения, обоснованные более эффективными аналитическими инструментами. Особенно это возможно благодаря специализации практики по защите прав человека Страсбургского Суда⁸⁴. Более серьезная ориентация на Страсбургский режим позволит также оптимизировать судебные расходы⁸⁵.

К тому же, более четко и всеобъемлющее полагаясь на Страсбургский режим, Европейская система защиты прав человека может стать более последовательной. Поэтому достижение этой цели является весьма желательной⁸⁶.

В соответствии с этими подходам предпочтение будет предоставлено внутренней автономии правового режима, когда судья ставится выше систематического благосостояния международно-правовой системы, тем самым признавая и поощряя фрагментацию международного права в

автономные режимы⁸⁷. Шани предупреждает, что такой подход может привести к несогласованности взаимоотношений между юрисдикциями, тем самым ставя под угрозу систематическую согласованность и единство международного права и усугубляя некоторые из традиционных проблем международного права, таких, как отсутствие предсказуемости, эффективности и авторитета. Отсюда вытекает вывод: «... на сегодняшний день очень актуальны работы в направлении повышения согласованности международной правовой системы, в частности, путем согласования в работе международных судебных органов»⁸⁸.

Согласно подходу, признанному председателем Суда ЕС Скоурисом, ориентир Суда ЕС на Страсбургский режим позволит обеспечить механизм, который поможет в определенной степени избежать противоречий в судебных решениях⁸⁹.

В этой связи следует подчеркнуть, что расширение использования Судом ЕС правовых основ Страсбургского режима может оказаться особенно полезными в плане укрепления законности, с учетом щепетильности присущих спорам вокруг системы защиты прав человека ЕС⁹⁰, и в свете последних угроз общей социальной приемлемости и легитимности Суда ЕС⁹¹.

Наконец, можно утверждать, что серьезная опора на Страсбургский режим позволит Суду ЕС избежать политического давления⁹² и защитить ее от своих собственных процедур чрезмерного судебного активизма- факторов, которые существенно снижают легитимность Суда ЕС⁹³.

Таким образом, на пути к все большей самостоятельности и достижению эффективности в вопросе избежания нормативных коллизий, Европейский Суд может повысить свою легитимность и репутацию, содействуя тем самым более высокому уровню соблюдения своих приговоров⁹⁴. Суд ЕС и Страсбургский Суд также могут повысить власть, влияние и эффективность друг друга, каждый ссылаясь на решения другого⁹⁵. Достижение укрепления законности требует, тем не менее, и рассмотрения других факторов. Как было отмечено выше, не все случаи зависимости от режима Страсбургского Суда явно признаны Европейским Судом. Следовательно, Суду ЕС необходимо обеспечить, чтобы его ориентир на Стра-

сбургский режим и решения (прецедентны), принятые в рамках Страсбургского режима, был достаточно определенным⁹⁶. Установление над системой защиты прав человека ЕС внешнего (и, следовательно, более объективного), а точнее юрисдикцианального контроля в виде Страсбургского режима может содействовать дальнейшему расширению легитимности Суда ЕС⁹⁷. Кроме того, такое расширение ориентации на Страсбургский режим позволит также улучшить аналитический аппарат и обоснование постановлений Европейского Суда. Несмотря на достаточно стойкие попытки это опровергнуть, судебная практика Суда ЕС в общем и целом немногословна, предусматривает ход принятия решений от общего к частному и строгое соблюдение законов⁹⁸, в большинстве случаев отсутствует четкая методология сравнительного права⁹⁹, по сравнению с более широкой аргументацией Страсбургского Суда¹⁰⁰. В целом, присоединение ЕС к ЕКПЧ не повлияет на разделение полномочий между ЕС и государствами-

членами ЕС, предусмотренными в Договорах. Не произойдет и подчинения одной организации другой – Европейского Союзу Совету Европы. Зато присоединение приведет к тому, что учреждения ЕС будут подлежать внешнему контролю над соблюдением основных прав, который уже применяется к учреждениям стран-участников Совета Европы.

Присоединение также позволит ЕС стать стороной в процессах, прямо или косвенно касающихся законодательства Союза, в Европейском Суде по правам человека. Это позволит ему объяснять и защищать оспариваемые положения. Также произойдет усиление обязательности решений Суда для ЕС в тех случаях, когда была нарушена ЕКПЧ, и будет гарантировано выполнение решений суда со стороны ЕС, если дело дойдет до этого. А так же, более четкая и всеобъемлющая ориентация на Страсбургский режим позволит правовому порядку ЕС принести большую пользу с точки зрения укрепления законности, справедливости, предсказуемости, социального и судебного признания.

¹ St'u Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007.

² St'u Protocol on the application of the Charter of Fundamental Rights to Poland and to the United Kingdom; Declarations 61 & 62.

³ St'u Article 6(2) Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community

⁴ St'u Article 3b Treaty of Lisbon.

⁵ St'u Leben, op. cit. supra note 85, at 94.

⁶ St'u Weiler, op. cit. supra note 7, at 1108.

⁷ St'u Von Bogdandy, op. cit. supra note 3, at 1328–1329; Judt, Postwar (Heinemann, 2005) at p. 799, as analysed by Douglas-Scott, op. cit. supra note 3, p. 631–632.

⁸ St'u Von Bogdandy, op. cit. supra note 3, at 1328–1329 who refers to the first Consideration of the Charter.

⁹ St'u Judge Martens note 16.

¹⁰ St'u Weiler and Lockhart, op. cit. supra note 3, at 625.

¹¹ St'u Shany, op. cit. supra note 104.

¹² St'u Wetzel, op. cit. supra note 6, at 2851, who argues that the integrationist motives of the ECJ cause it to afford less protection than that of the Strasbourg Court.

¹³ St'u Etzioni "The Community Deficit", 45 JCMS (2007), 23.

¹⁴ St'u Douglas-Scott, op. cit. supra note 3. For analysis, see Maduro, "Striking the Elusive Balance between Economic Freedom and Social Rights in the EU" in Alston, op. cit. supra note 3, at pp. 449–472.

¹⁵ St'u Toth, op. cit. supra note 73, at 514.

¹⁶ St'u Gibson and Caldeira, op. cit. supra note 99, at 464.

¹⁷ St'u Douglas-Scott, op. cit. supra note 3; Bronckers, op. cit. supra note 6.

¹⁸ St'u Bronckers, op. cit. supra note 6.

¹⁹ St'u Douglas-Scott, op. cit. supra note 3, at 648–650 and Bronckers, op. cit. supra note 6, analysing, in particular, Opinion 1/91, Draft Agreement between the Community, on the one hand, and the countries of the European Free Trade Association, on the other, relating to the creation of the European Economic Area, [1991] ECR I-6079.

²⁰ St'u Bronckers, op. cit. supra note 6; de Witte, op. cit. supra note 32, at 890–891, . смотри также, Spielmann, op. cit. supra note 35, at 779: Люксембургский и Страсбургский суды являются равными судами, важными институтами, ответственные за судебные функции в двух международных правовых системах.

²¹ St'u Masterman, op. cit. supra note 84.

²² St'u The position of Lord Irvine HL Deb vol. 584 cols 1270–1 19 Jan 1998).

- ²³ St'ü Masterman, op. cit. supra note 84, at 916.
- ²⁴ St'ü McCrudden, op. cit. supra note 90, стр. 518.
- ²⁵ St'ü Shany, op. cit. supra note 104, at p. 187: The application of the doctrine of margin of appreciation by the Strasbourg Court is dependent on the indeterminacy of the applicable standard; broader margins are granted over issues lacking a European consensus.
- ²⁶ St'ü Para 44 of the Opinion, cited supra note 38. For the relevant reference of the ECJ to this theme, see note 49.
- ²⁷ St'ü Canor, op. cit. supra note 6, at 13. For general analysis, see Shany, op. cit. supra note 71, at p. 34. For European-focused analysis, Helfer and Slaughter, op. cit. supra note 5, at 297; Дуглас-Скотт приводит доводы в пользу того, что существуют ключевые различия между этими судами. Страсбургский Суд был учрежден как свободный суд по правам человека с целью защиты их против злоупотребления прав человека со стороны государств-участниц. ЕСПЧ был учрежден с намного широкой юрисдикцией.
- ²⁸ St'ü Paras. 36–37 and 44 of the Opinion, cited supra note 38.
- ²⁹ St'ü Douglas-Scott, op. cit. supra note 3, at 648–650.
- ³⁰ St'ü Douglas-Scott, op. cit. supra note 3, at 653.
- ³¹ St'ü Toth, op. cit. supra note 73, p. 499.
- ³² St'ü Delmas-Marty, The Richness of Underlying Legal Reasoning, in Delmas-Marty (Ed.), The European Convention for the Protection of Human Rights: International Protection Versus National Restrictions (1992), p. 319, p. 322, as quoted in Carozza, op. cit. supra note 86, p. 1227.
- ³³ St'ü Martinez, op. cit. supra note 74, at 463; Helfer and Slaughter, op. cit. supra note 5, p. 277 and 294; Carozza, op. cit. supra note 86, at 1227.
- ³⁴ St'ü Martinez, op. cit. supra note 74, at 463; Helfer and Slaughter, op. cit. supra note 5, p. 277 and 294. Смотри так же, Arevelo, “Adjudication of International Disputes in Europe: The Role of the European Court of Justice and the European Court of Human Rights”, University of Illinois EUC Working Paper, No. 6 (2006), McCrudden, op. cit. supra note 90, p. 522.
- ³⁵ St'ü Helfer and Slaughter, op. cit. supra note 5, p. 276 и 298.
- ³⁶ St'ü Martin Estebanez, “The Protection of National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities” in Neuwahl and Rosas, op. cit. supra note 9, p. 133, стр. 158–159.
- ³⁷ St'ü Jacobs, op. cit. supra note 6, at 552. Смотри так же, Bronckers, op. cit. supra note 6, так же, Skouris, op. cit. supra note 118, at 125-128.
- ³⁸ St'ü Lebeck, op. cit. supra note 1, p.201.
- ³⁹ St'ü Loizidou v. Turkey, 310 Eur Ct. H. R. (ser A) at 27 (1995). Смотри так же, Lebeck, op. cit. supra note 1, p. 202.
- ⁴⁰ St'ü Alston and Weiler, op. cit. supra note 3, at 30.
- ⁴¹ St'ü Report of the Court of Justice on Certain Aspects of the Application of the Treaty on European Union, submitted to the European Council in preparation of the IGC (May 1995) at 4; de Witte, op. cit. supra note 32, p. 869.
- ⁴² St'ü Opinion of A.G., op. cit. supra note 126, as analysed by Helfer and Slaughter, op. cit. supra note 5, p. 293.
- ⁴³ St'ü Shany, op. cit. supra note 71, p. 106. See also Slaughter, op. cit. supra note 6, at 102 who argues that certain unifying features exist in relation to courts that conduct transnational communication, namely an emphasis on judicial autonomy, reliance on persuasive authority and a sense of common judicial identity and enterprise.
- ⁴⁴ St'ü Douglas-Scott, op. cit. supra note 3, p. 662–663.
- ⁴⁵ St'ü Там же.
- ⁴⁶ St'ü Helfer and Slaughter, op. cit. supra note 5, p. 277.
- ⁴⁷ St'ü Weiler, op. cit. supra note 9, at 74.
- ⁴⁸ St'ü Kentridge, op. cit. supra note 112, p. 101-103.
- ⁴⁹ St'ü Eva Brems, quoted in Carozza, op. cit. supra note 86, p. 1227.
- ⁵⁰ St'ü Quoted in Helfer and Slaughter, op. cit. supra note 5, p.276. смотри так же, Judge Martens, Cossey v. United Kingdom 184 Eur. Ct. H.R. (Ser. A) (1990), at 28 (Martens J., dissenting).
- ⁵¹ St'ü ec.europa.eu/enlargement/countries/index_en.htm.
- ⁵² St'ü Leben, op. cit. supra note 85, стр. 90.
- ⁵³ St'ü Carozza, op. cit. supra note 86, at 1227 for a similar argument with respect to the Strasbourg Regime.
- ⁵⁴ St'ü Lebeck, op. cit. supra note 1.
- ⁵⁵ St'ü Douglas-Scott, op. cit. supra note 3, at 630
- ⁵⁶ St'ü de Witte, op. cit. supra note 32, at 878; Toth, “The European Union and Human Rights: The Way Forward”, 34 CML Rev. (1997), 491, at 494; See also Alston and Weiler, op. cit. supra note 3, at p. 30 and Wetzel, op. cit. supra note 6, at 2851, но, так же Weiler, op. cit. supra note 7, p. 1130.
- ⁵⁷ St'ü Lebeck, op. cit. supra note 1, at 233.
- ⁵⁸ St'ü von Bogdandy, op. cit. supra note 3, at 1331.
- ⁵⁹ St'ü Alston and Weiler, op. cit. supra note 3, at 19.
- ⁶⁰ St'ü Wetzel, op. cit. supra note 6, at 2846 .
- ⁶¹ St'ü Wetzel, op. cit. supra note 6, at 2859–2860.
- ⁶² St'ü von Bogdandy, op. cit. supra note 3, at 1337.
- ⁶³ St'ü Martinez, op. cit. supra note 74, at 487: Decisions of specialized international courts in their area of expertise should receive greater deference from other international courts than decisions of a general international court with a broad jurisdiction.

- ⁶⁴ St'ú Merrilis, *The Development of International Law by the European Court of Human Rights*, 2nd ed. (1993), p. 18, who analyses the means by which the Strasbourg Regime can be useful in construing other human rights treaties.
- ⁶⁵ St'ú Slaughter, *op. cit. supra* note 6, at 111 and 120–121; See Janis, *op. cit. supra* note 6, at 215–216 for the impact of the ECHR on other regional human rights regimes. Смoтpи так же, Lord Slynn in *Alconbury R (on the application of Alconbury Developments Ltd) v. Secretary of State for the Environment Transport and the Regions*, [2003] 2 AC 295, para 26.
- ⁶⁶ St'ú Masterman, “Taking the Strasbourg Jurisprudence into Account: Developing a ‘Municipal Law of Human Rights’ under The Human Rights Act”, 54 ICLQ (2005), 907, at 925, for the use of the Strasbourg Regime to bolster human rights protection in the United Kingdom.
- ⁶⁷ St'ú Leben, “Is there a European Approach to Human Rights?” in Alston, *op. cit. supra* note 3, p. 69, at 76.
- ⁶⁸ St'ú Carozza, “Uses and Misuses of Comparative Law in International Human Rights: Some Reflections on the Jurisprudence of the European Court of Human Rights”, 73 Notre Dame L. Rev. (1997–1998), 1217, at 1235 смoтpи так же Weiler, *op. cit. supra* note 9, 51, 74.
- ⁶⁹ St'ú Case C-145/04, *Spain v. United Kingdom*, [2006] ECR I-7917 и Case C-300/04, *Eman and Sevinger*, [2006] ECR I-8055 as analysed by Besselink, in 45 CML Rev. (2008), 787. Так же, Weiler, *op. cit. supra* note 7, at 1130.
- ⁷⁰ St'ú Shany, “Toward a General Margin of Appreciation Doctrine in International Law?”, 16 EJIL (2006), 907, p. 919.
- ⁷¹ St'ú Masterman, *op. cit. supra* note 84, at 915 and 924: (i) the Convention is not an exhaustive statement of fundamental rights; (ii) The Convention is rather a weak statement of positive rights; (iii) The Strasbourg Court displays a tendency towards paucity in respect of actually defining the content of the rights it protects; (iv) There is the application of the margin of appreciation. See also Harris, O'Boyle and Warbrick, *Law of the European Convention of Human Rights*, (Butterworths London 1995), p. 26, who refer to the Strasbourg verdicts as “essentially declaratory”.
- ⁷² St'ú Slaughter, *op. cit. supra* note 6, at 119 et seq. Смoтpи McCrudden, “A Common Law of Human Rights? Transnational Judicial Conversations on Constitutional Rights,” 20 Oxford Journal of Legal Studies (2000), 499, p. 514.
- ⁷³ St'ú Shany, *op. cit. supra* note 71, at cтp. 68 et seq; смoтpи так же, Slaughter, *op. cit. supra* note 6, cтp. 103 who defines such judicial course of action as “Horizontal Communication”.
- ⁷⁴ St'ú Ahmed and de Jesus Butler, *op. cit. supra* note 3, at 781–783; смoтpи так же, Canor, *op. cit. supra* note 6.
- ⁷⁵ St'ú Canor, *op. cit. supra* note 6.
- ⁷⁶ St'ú Shany, *op. cit. supra* note 71, at p. 69.
- ⁷⁷ St'ú Canor, *op. cit. supra* note 6, p. 20.
- ⁷⁸ St'ú Jacobs, *op. cit. supra* note 6, p. 551 and Canor, *op. cit. supra* note 6, at 20
- ⁷⁹ St'ú Douglas-Scott, *op. cit. supra* note 3, p. 639.
- ⁸⁰ St'ú Shany, *op. cit. supra* note 71, at pp. 279–280.
- ⁸¹ St'ú Gibson and Caldeira, “The Legitimacy of Transnational Legal Institutions: Compliance, Support, and the European Court of Justice”, 39 American Journal of Political Science (1995), 459.
- ⁸² St'ú Weiler and Lockhart, *op. cit. supra* note 3, at 625.
- ⁸³ St'ú Shany, *op. cit. supra* note 71, at p. 108.
- ⁸⁴ St'ú Helfer and Slaughter, *op. cit. supra* note 5, at 323.
- ⁸⁵ St'ú Shany, *op. cit. supra* note 104, at p. 187.
- ⁸⁶ St'ú Higgins, “A Babel of Judicial Voices? Ruminations from the Bench”, 55 ICLQ (2006), 791, at 799
- ⁸⁷ St'ú Shany, *op. cit. supra* note 104, at pp. 108–121.
- ⁸⁸ St'ú Shany, *op. cit. supra* note 71, especially at pp. 11, 118 and 284 and the references upon which he relies.
- ⁸⁹ St'ú Skouris, “The ECJ and the EFTA Court under the EEA Agreement: A Paradigm for International Cooperation between Judicial Institutions” in Baudenbacher et al., *op. cit. supra* note 6, p. 123, at 127.
- ⁹⁰ St'ú Gibson and Caldeira, *op. cit. supra* note 99, p. 484–485.
- ⁹¹ St'ú Gibson and Caldeira, *op. cit. supra* note 99, p. 465; смoтpи так же, Weiler and Lockhart, *op. cit. supra* note 3, p. 624: The visibility of the Court is likely to increase, and with it so are attacks on the ECJ.
- ⁹² St'ú Helfer and Slaughter, *op. cit. supra* note 5, p. 371.
- ⁹³ St'ú Carozza, *op. cit. supra* note 86.
- ⁹⁴ St'ú Slaughter, *op. cit. supra* note 6, at 114–115, La Forest, “The Use of American Precedents in Canadian Court”, 46 Maine L. Rev (1994), 211 at 216. See also, by analogy, Shany, *op. cit. supra* note 71, at p. 119; смoтpи так же, Shany, *Regulating Jurisdictional Relations between National and International Courts* (OUP, 2007), p. 174–175 and 181, см.: Martinez, *op. cit. supra* note 74, at 448.
- ⁹⁵ St'ú Helfer and Slaughter, *op. cit. supra* note 5, at 323–325.
- ⁹⁶ St'ú Slaughter, *op. cit. supra* note 6, at 118 .
- ⁹⁷ St'ú de Witte, *op. cit. supra* note 32, p. 890; смoтpи так же, Weiler and Lockhart, *op. cit. supra* note 3, at 81 who express a bias in favour of human rights judicial review by courts that are not directly part of the polity the measures of which come under review.
- ⁹⁸ St'ú Helfer and Slaughter, *op. cit. supra* note 5, p. 323–325.
- ⁹⁹ St'ú Von Bogdandy, *op. cit. supra* note 3, p. 1329 et seq; см.: Alexy, “Style of Judgments” in MacCormick and Summers (Eds.), *Interpreting Precedents: A Comparative Study* (Ashgate Dartmouth, 1997).
- ¹⁰⁰ St'ú Douglas-Scott, *op. cit. supra* note 3, p. 655–660.